

Он привел меня на сцену

Из воспоминаний старого актера

Это было 57 лет тому назад, в 1905 году. В народном Пушкинском доме (ныне клуб имени Революции 1905 г.) работала сильная драматическая группа любителей. Входил в их число и я.

И вот в Самаре остановился известный петербургский актер Михаил Георгиевич Диевский. Он решил отдохнуть от шумной столицы на тихих берегах Волги.

Но вскоре заскучал. И тогда задумал соединить приятное с полезным. Узнав о существовавшей в народном доме любительской труппе, он собрал нас и познакомил с горьковскими пьесами «Мещане» и «На дне».

Мы загорелись. И вскоре обе эти пьесы были поставлены в клубе канцеляристов и на бывшей Постниковой даче в курзале кумысо-лечебного санатория.

Мне тогда, очень молодому человеку, досталась роль воинствующего мещанина Бессеменова в «Мещанах» и совершенно противоположный образ пропившегося актера в пьесе «На дне».

Все это происходило в канун грозного 1905 года. В то время Горький был знаменем прогрессивно настроенных людей искусства. Его произведения широко пропагандировались ими. Зрители встречали наши постановки с энтузиазмом, с искренней и сердечной благодарностью.

Я бросил ученье и пошел на профессиональную сцену. Многое мне приходилось играть в пьесах Горького и позднее, но радость первого творческого прикосновения к его образам не остыла до сих пор. Я получил истинное наслаждение, испытывая небывалый подъем и волнение, когда играл в горьковских спектаклях.

Накаленная атмосфера 1905 года как нельзя лучше содействовала успеху нашей работы у прогрессивного зрителя. Революционные, освободительные идеи, заложенные в материале, прорывались через нашу игру в зрительскую массу и электризовали ее.

Прошло более полвека, но я до сих пор помню яростные диалоги в «Мещанах», которые всегда сопровождались дружными аплодисментами. Зал не мог оставаться равнодушным, например, при этом поедке:

Бессеменов: — А знаешь,

что я могу тебе...

Нил: — Ничего вы не можете. Будет шутить. В этом доме я тоже — хозяин. Я десять лет работал и заработок вам отдавал. Здесь, вот тут вложено мной немало. Хозяин тот, кто трудится...

Эта заключительная фраза Николая вызывала всегда самое бурное одобрение.

Мне посчастливилось выступать в горьковских спектаклях и после революции,

РАБОТНИКИ Куйбышевского музея
А. М. Горького сделали и демонстрируют посетителям любопытную литературную карту хождений молодого Горького по Руси.

Белым пунктиром на карте обозначен путь странствий Горького в 1888—1889 годы. Он начинается из Казани. Как известно, Алексей Максимович попал в Самару, отправившись вниз по Волге с бездомным бродягой Бариновым. До Самары ехали «зайцами» на пассажирском пароходе. Здесь нанялись на баржу, через неделю доплыли до берегов Каспия. Молодой Алеши Пешкова работал в артели рыболовов на промысле Кабанбуль.

После скитаний по Моздокской степи Горький оказывается в Царицыне. На карте помечены три пункта неподалеку от Царицына — Добринка, Борисоглебск, Круглая. Здесь на железнодорожных станциях Алеши Пешков работал сторожем, весовщиком в пакгаузах, на холода. Дальше на его пути скитаний — Ясная Поляна. Москва. Здесь он пытался увидеть Льва Толстого, но не застал его и поехал

КАРТА ХОЖДЕНИЙ ПИСАТЕЛЯ ПО РУСИ

в Нижний Новгород. Вторая полоса странствий относится к 1891—1892 годам. Красным пунктиром на карте обозначен этот большой извилистый путь по стране. Алексей Максимович был уже под негласным надзором полиции, как явно неблагонадежный. Осенью 1889 года по делу революционера Сотова он был арестован и просидел месяц в тюрьме.

В апреле 1891 года Горький вышел из Нижнего,шел, плыл пароходом. Вот на карте Царицын, станция Финново, далее путь ведет через Донские стели в Ростов-на-Дону. Воронежу, Задонску, Курску, Харькову, гольевским местам — Миргороду, Лубкам. Затем Горький прошел на днепровщину. Вот Киев, Чернигов, Умань. Линия странствий проходит по Херсонской губернии. В селе Кандыбино на пути к Николаеву Горький стал свидетелем кулацкой расправы над «провинившейся» женщиной. Ее на-

гую, привязанную к передней телеге, «водили» по улицам села, избивая под уплююные толпы. Горький вмешался в эту сцену, ударил по лицу попа, вдохновителя расправы, и сам был «до полусмерти избит мужиками». Его вывезли из села и бросили в кусты, грязь.

В Николаеве Горький отлежался в больнице и снова пошел вперед. Вот новые места — Очаков, южная часть Бессарабии, Дунай, Аккерман. Одесса, где он работал грузчиком. И снова путь, Горький попадает в Крым, проходит его и через Керчь, Тамань, Черноморье, Кубань. Терскую область по Военно-Грузинской дороге приходит в ноябре 1891 года в Тифлис.

«Хождение мое по Руси», — писал впоследствии Алексей Максимович, — было вызвано не стремлением к бродяжеству, а желанием видеть, где я живу, что за народ вокруг меня».

В. АЛЕКСЕЕВ.

Ты в нашем сердце, гордый Буревестник!

К 25-летию со дня смерти А. М. Горького

И. ГОРЮНОВ.

Горький в Самаре

В 1895 году по совету писателя Короленко Максим Горький приехал в Самару и стал сотрудником «Самарской газеты». Прожил он в нашем городе до половины мая 1896 года. За это короткое время Алексей Максимович напечатал в газете незабываемые рассказы: «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль», «На платах», «Выход», «Как поймали Семагу» и другие. Кроме художественных произведений, писатель под псевдонимом Иегудил Хламида напечатал около 300 фельетонов. В них он бичевал уродство быта, защищал права и человеческое достоинство простых людей. Смелая критика вызывала неизвестность к писателю со стороны «отцов города» (членов городской думы, фабрикантов, заводчиков) и прочих темных сил купеческой Самары. Труженики города любили своего защитника. Народная память хранила немало рассказов о писателе и вспоминала произведения на простых людей. Вот два из них.

★ ★ ★

ВСЕ БЫЛО готово к открытию музея М. Горького. Ждали комиссию по приему.

Только что вернулся из Москвы директор музея. Он привез от жены писателя Екатерины Павловны Пешковой редкие фотографии и плюшевое одеяло, купленное писателем на гонорар за рассказ «Челкаш» в журнале «Русское богатство».

Оформители музея как раз разглядывали подарки, когда в кабинет быстро вошел возбужденный прораб.

— Появились на стене пятна, — сказал он.

Все спустились в полуподвалную комнату, где жил писатель — сотрудник «Самарской газеты».

Пятна резко выступали на стене ниже надворного

оконца. Начали обсуждать, каким образом убрать их.

— А вы оставьте их, — посоветовал появившийся в дверях широкоскульный старик в тесном пиджаке.

Прораб рассердился.

— Тоже нашелся советчик! Пятна уродуют вид.

— Уродуют! — Мужчина взглянул на прораба с укором. — А вы думаете, Максимычу жилось сладко в прежнее время? В комнате с этими пятнами так и жил.

Далее он рассказал, каким образом знает все это.

— Бывал я у Максимыча, книжки хорошие давал мне читать. Видел, как трудился. Ни одного огонька в домах, а у Максимыча лампа горит. Пишет. В такую, может, ночь Максимыч и песню свою составил про сокола.

Он вышел, во тут же вернулся, чтобы сказать, что на стене у двери три гвоздя были вкочены. На них писатель вешал одежду, шляпу и полотенце.

Музей был открыт. Мужчина часто появлялся среди посетителей и объяснял, как жил Алексей Максимович.

При этом обращал внимание на пятна, на маленькое, как в тюрьме, надворное оконце. Не забывал, по пятно, сказать и о трех гвоздях.

М. Горький в Самаре. Фрагмент картины куйбышевского художника Борисова.

У СТАРОГО солдата

Ильи Лукова случилось несчастье: незамужняя дочь жила в горничных у лавочника, на Дворянской улице и прижила ребенка от его сына. Рождение ребенка, притом девушки, вызвало у обывателей острые насмешки. Когда солдат появлялся на улице, обыватели нарочито громко поздравляли его в винчуком и смеялись. А он, как затравленный, с угрем озлоблением спешил к себе во двор. Сначала Луков хотел дочь избить и выгнать. Но подумал и пришел к выводу, что ошибку дочери уже не исправить, надо делать кресты.

Однако здесь его ждало новое огорчение. Кумой быть согласилась знакомая хромая работница со свечного завода, а вот в ку-

жилками вдруг исказилось, и солдат, горбясь, прижался к стене, чтобы вытирать слезы на лице ладонью. Потом, когда немногого успокоился, излил жалобу на людей, которые его, старого солдата, так оскорбили.

Горький выслушал боль души и заявил, что он охотно бы согласился быть крестным отцом.

Некоторое время Луков смотрел с недоверием на незнакомца. И когда Горький подтвердил свое желание, солдат обрадовался.

Вечером в маленьком сарае, где жил Илья Луков, в крохотном домишке солдата спрашивали крестину. За праздничным столом сидели Луков, его жена, кума и Горький, подаривший молодой матери отрез на хорошее платье, а крестнику — рубашечки.

Словно желая украсить рождение человека, в палисаднике буйно цветли разросшиеся кусты сирени.

Обыватели не раз подходили к дому и с любопытством сплетниц заглядывали в окно.

Уходя, Горький подошел к ребенку, который лежал на руках матери.

— Живи, человечице, живи, — сказал писатель своим добрым баском. — Для всех хватит места на земле.

— Наплевали в душу! Подлецы! — сказал он с гневной раздражительностью, ни к кому не обращаясь.

Его лицо с красными про-

борами

ПО ГОРЬКОВСКИМ МЕСТАМ

Сорренто. Дом, в котором жил великий писатель с 1924 по 1933 год.

Фото В. Хухлаева.

Горький. Домик Каширина, где прошло раннее детство Алексея Максимовича. Гостиная в доме-музее.

Фото П. Вознесенского.

Фотохроника ТАСС.

